

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Николай
СВЕЧИН

Восьмое

делопроизводство

МОСКВА

2 0 2 4

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С24

Свечин, Николай.

С24 Восьмое делопроизводство / Николай Свечин. — Москва : Эксмо, 2024. — 320 с. — (Русский бестселлер).

ISBN 978-5-04-202487-0

Лыков повышен в чине, теперь он статский советник. И стал ненадолго бюрократом: временно руководит Восьмым делопроизводством Департамента полиции. «Восьмерка» — всероссийский сыск, она координирует действия всех сыскных отделений империи. Но бюрократ из Лыкова не получается: кабинетная работа не для него. По счастью, Столыпин нашел Алексею Николаевичу лучшее применение. Премьер-министр обеспокоен участвовавшими экспроприациями в Петербурге и Москве. Гибнут люди, налетчики похищают крупные денежные суммы. Полиция не может найти преступников. И Лыкову поручают ликвидировать банды экспроприаторов в двух столицах. Создана временная группа дознавателей под его командой, с особыми полномочиями. Статский советник выходит на охоту...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-202487-0

© Свечин Н., 2023
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2024

БЕСПОКОЙНОЕ ВРЕМЯ

3 января 1910 года в Херсонской каторжной тюрьме произошел групповой побег заключенных. Во время раздачи кипятка в корзиночной мастерской десять арестантов напали на двух надзирателей и обезоружили их. Отобрали ключи, открыли дверь на тюремный двор и выскочили скопом. С той стороны кто-то перебросил через стену веревку с завязанными узлами — побег готовили с воли. Каторжники перелезли наружу и кинулись к Днепру. Часовой увидел их и открыл огонь из винтовки. Ему удалось убить двоих, остальные скрылись за углом. Надзиратель Довналь, услышав выстрелы, выбежал из сторожки и погнался за арестантами. Настиг одного и тут же получил удар ножом в сердце...

Все свободные надзиратели тюрьмы устремились в погоню. Видя смерть товарища, они не стали жалеть патронов. Четверо каторжников были убиты, пятый тяжело ранен. Только двое добрались до заранее подготовленной лодки с одеждой и провизией. На реке стоял лед, однако для парома пробили фарватер,

и лодка ждала на чистой воде. Но она успела лишь отчалить от берега. Обозленные надзиратели осыпали беглецов градом пуль. Один был сражен наповал, второго, тяжело раненного, взяли.

Так, из девяти вырвавшихся за стену семеро погибли, а двух подстрелили не до смерти. Последнего, десятого, обнаружили уже ночью. Он не последовал за остальными, а спрятался в котельной. И тем спас себе жизнь.

Только к утру выяснилось, что был и одиннадцатый, самый умный. Он воспользовался общей суматохой. Пока охрана гонялась за беглецами, дядя спокойно перелез через стену в другом месте. Спрыгнул с той стороны, сел в поджидавший его экипаж и был таков. Когда смотритель узнал фамилию этого ловкача, то схватился за голову. Александр Южиков по кличке Сашка Поп был известный налетчик. В девятьсот восьмом году он получил бессрочную каторгу за вооруженное ограбление ювелирного магазина. Тогда погибли охранник и двое служащих. Доказать, что стрелял Южиков, следствию не удалось, и бандит спрыгнул с висельной доски. Сыщики числили за ним еще три экса с жертвами, но присяжные отменили их доказательства как ненадежные. И вот теперь оставленный в живых зверь выскочил из клетки.

Когда Лыков получил сообщение о побеге, то сказал своему помощнику Азвестопуло:

— Серьезный человек готовил акцию. ■ Смотри, как все рассчитал! Те десять дураков

нужны были для отвода глаз, и он легко ими пожертвовал. Семь покойников среди беглецов, да еще зарезанный надзиратель. Масштабно кровь льет, сволоочь. Найти бы его поскорее.

Сергей внимательно просмотрел телеграмму и согласился:

— Похоже на то. И как зовут умника?

— Узнаем, когда возьмем Сашку. Вот только...

— Что?

— Вдумайся, Сергей Манолович. Для чего вытаскивали Сашку Попа? С таким трудом, с такими жертвами. Ведь проще нанять для дела налетчика с воли. А тут каторжная тюрьма, строжайший режим... Значит, исполнителю был нужен именно этот экземпляр. Что-то готовится. Жди теперь нападений с жертвами, стрельбой и крупными похищенными суммами.

Титулярный советник уселся поудобнее и фамильярно предложил шефу:

— А расскажите мне про экземпляра. Никогда не слышал о нем раньше. Почему кличка Поп? Налетчик-расстрига из духовных, что ли? Так не бывает.

Коллежский советник принял тон помощника (больше чем помощника — ученика) как должное. И начал излагать:

— Южиков Александр Нифонтович, сын священника. Родился в тысяча восемьсот восемьдесят пятом году в Бугуруслане. Поступил в Казанскую семинарию и почти ее окончил. Даже жениться на поповской дочке успел, сукин сын. Приход ему уже подобрали, гото-

вили к рукоположению. Но Южиков обокрал будущего тестя, проломив ему при этом голову, и сбежал.

— Достойный персонаж, — глубокомысленно прокомментировал титулярный советник. — Недопоп перешел на нелегальное положение?

— Да. Он объявился в Москве на Хитровке и стал там популярной личностью. Грехи отпустил, венчал блатных...

— Как это?

— Ну понарошку, в виде шутки. А в паузах грабил. Московская сыскная тогда была не в лучшем виде — ею правил Мойсеенко¹. Сашка сошелся с продажными надзирателями и чувствовал себя вполне вольготно. Потом началась заваруха, именуемая вооруженным восстанием. Поп совершенно обнаглел. Он собрал шайку и начал громить кассы. Тут уже были жертвы — Сашка перестал церемониться и показал истинное нутро. А оно у него неприглядное... Три человека погибли, прежде чем Южикова взяли. Начальство в Первопрестольной сменилось, а он и не заметил! Пришел Аркадий Францевич², стал наводить порядок. И укатал наглеца. До суда дошло лишь одно дело, и на смертную казнь улики не хватило. Укатали Сашку, народ облегченно вздохнул. А теперь все надо начинать заново.

---

¹ См. книгу «Узел».

² А.Ф. Кошко — с 1908 года начальник Московской сыскной полиции.

Азвестопуло бодро подхватил:

— Чай, и не таких ловили! Поймаем. Однако, Алексей Николаевич, вопрос-то остается.

— Остается, — согласился Лыков. — Зачем неизвестному умнику понадобился именно Сашка Поп?

— Думаю, бандита вытащил с каторги кто-то из друзей. Постороннего с таким трудом не выручают — тут личная связь.

— На каторгу уехала вся шайка, четверо налетчиков, — сообщил коллежский советник. — Дознание вели тщательно, я видел материалы. Тот, кто организовал побег, прямого отношения к делу не имел. Но, похоже, стоял близко.

— Маклак? — предположил Сергей. — Хорошо кормился с ребят и хочет вернуть те добрые времена?

— Что-то я не помню случая, чтобы скупщик краденого выручал с каторги обычного маза¹. А ты, Сергей Манолович, слышал про такое?

— У нас в Одессе было. Мордка Гляйвиц по кличке Шкилет подготовил побег налетчику Степану Ворошилову.

— Да ты что? — удивился Лыков. — Так много с него дохода имел?

— Имел, но не в одном доходе дело. Гляйвиц хотел выдать за Степку свою дочь. Там чувства и все такое, вот старик и ввязался. Парня

---

¹ Маз — главарь шайки.

через две недели поймали и опять засадили. Но молодые успели обвенчаться!

— Разговор не про то, — обрезал помощника шеф. — Побег был из подследственной тюрьмы? А у нас с каторги, что много сложнее. И романтической подкладки пока не видать. Э-эх! Надо смотреть акт дознания по делу шайки Южикова. Вдруг да обнаружим того сердечного приятеля, который ради друга пошел на такой риск.

Сыщики поговорили о бежавшем налетчике и забыли. Никто им ловить Сашку Попа не поручал, а своих дел у Лыкова с Азвестопуло имелось в избытке. Но через две недели негодяй сам напомнил о себе.

18 января в Плоцкой губернии средь бела дня было совершено нападение на денежную почту. Все произошло на двенадцатой версте от города Бельска. Возок с ценным грузом направлялся в Рынин, его охраняли пятеро драгун. Налетчики церемониться не стали и бросили в конвой какую-то необыкновенно мощную бомбу. Трех солдат и ямщика убило на месте, два драгуна получили смертельные ранения. В руки экспроприаторов попало более 55 тысяч рублей казенных денег.

Один раненый умер в госпитале через день, а второй протянул неделю. К нему успел приехать чиновник Восьмого делопроизводства Департамента полиции Томилин. В департаменте он отвечал за идентификацию преступников по системе словесного портрета. ■ Томилин привез умирающему фотографии 48

налетчиков, которые могли быть причастны к нападению и на которых имелись материалы в картотеке. В последний момент Лыков догадался присоединить к ним данные на Сашку Попа — и неожиданно попал в точку.

Драгун доживал последние дни и знал это. Он хотел отомстить убийцам за смерть свою и товарищей. Из последних сил раненый дождался полицейского чиновника. Томилин улучил момент, когда умирающий был в ясном сознании, и разложил перед ним на кровати фотографические карточки. Драгун перебирал их восковыми пальцами, и с каждой новой из него будто выходила жизнь... Оставался последний портрет. Страдалец долго не хотел на него смотреть, шептал чуть слышно:

— Неужели... нету его у вас... уйдет, сволочь, без наказания...

Потом открыл карточку, и его словно оживили на миг:

— Вот он!

— Точно он? — спросил Томилин.

— Точно, ваше благородие. Левый глаз приметный, косит, я запомнил...

— Это известный налетчик Александр Южиков по кличке Сашка Поп. Он недавно бежал из Херсонской каторжной тюрьмы.

— Поп, как есть поп! — из последних сил выкрикнул драгун. И рассказал невероятную историю.

Когда конвой сопровождал почту, на дороге им встретился священник. Молодой, лет двадцати пяти, в теплом черном пальто, распахну-

том на груди; под ним виднелся крест. Батюшка сидел в санях, притулившихся на обочине. Увидев конвой, он осенил его крестным знаменем. Вахмистр остановил колонну и подъехал под благословение. Левый глаз у священника заметно косил. Он благословил вахмистра, возок с почтой опять тронулся, драгуны — следом. Тут ложный поп вынул из-под рясы бомбу и швырнул ее в солдат, а сам прыгнул рыбкой в придорожный сугроб. Никто не успел ничего понять, как прогремел сильный взрыв.

Умиравший драгун успел подписать протокол и к вечеру угас. Томилин вернулся в Петербург и сообщил об опознании. Его рассказ произвел сильное впечатление и был доложен товарищу министра внутренних дел Курлову.

Генерал-лейтенант Курлов заведовал полицейскими вопросами. Премьер-министр Столыпин оставил пост министра внутренних дел за собой, но лишь формально. Ввиду большой загруженности вести дела ведомства он не мог и разделил их между своими товарищами¹. Ему докладывали только о самых выдающихся происшествиях. Курлов подумал день-другой и известил Петра Аркадьевича о случае в окрестностях Плоцка.

Председатель Совета министров был возмущен:

— Мы не можем оставить такую мерзость без ответа. Какие меры приняты, чтобы поймать убийц?

---

¹ Товарищи министра — заместители.

— Ведется дознание, надо ждать результатов.

— Кто дознает?

— Плоцкое полицейское управление.

— Немедленно вышлите туда Лыкова. Он даст всем прикурить!

Так Алексей Николаевич отправился в очередную командировку. Азвестопуло остался в Петербурге «вести хозяйство».

Лыков давно уже занимал в департаменте привилегированное положение. Официально его должность звучала очень длинно: чиновник особых поручений при министре сверх штата, прикомандированный к Департаменту полиции. Таких «особых» насчитывалось три-четыре человека. Статус позволял им заниматься любыми делами в пределах компетенции полицейского ведомства. Службу «особняков» определяло начальство. Чаще всего такие поручения не были связаны с повседневной рутинной, а носили исключительный характер. Хотя, например, Веригин заведовал секретарской частью департамента, а Виссарионов курировал Особый отдел. Алексей Николаевич всю жизнь занимался уголовным сыском и составил себе в этой области выдающуюся репутацию. Сложные или общественно громкие дела, требующие высшего мастерства, поручались именно ему.

В конце прошлого года, когда Лыков с Азвестопуло отличились в Иркутске¹, Курлов обе-

---

¹ См. книгу «Столица беглых».

шал повесить их в чинах. Лыков уже десять лет состоял в коллежских советниках. Сергей тоже застрял в титулярных, и росту им обоим не было. Государь раз за разом вымарывал Алексея Николаевича из приказов по гражданскому ведомству — так говорило начальство. Сам Лыков подозревал, что его просто не включали в эти приказы: отчасти за самостоятельный характер, отчасти по старой памяти. В свое время сыщик не сумел угодить императрице, когда та поручила ему отыскать похищенную икону Казанской Божией Матери. С той поры прошли годы, государыня должна была забыть вину скромного сыщика, но чинопроизводство для него застыло. Перед Рождеством Курлов, опытный бюрократ, подвинул Алексея Николаевича в должности — из чиновников особых поручений шестого класса перевел в пятый. Видимо, это был многоходовый маневр: генерал готовил Высочайший приказ. Но в остальном все осталось как есть. В России производство и награды в массовом порядке делались дважды в год, на Рождество и Пасху. Рождество пролетело, и теперь коллежский советник ждал Пасхи. В душе, конечно, он хотел стать «превосходительством». А тут такой шаг вперед, в «высокородие». Однако чем дальше, тем служить ему становилось труднее. Прежние начальники Лыкова приучили его к высокому уровню государственного мышления. Но время их прошло: Плеве лежал в земле, Дурново заседал в Государственном совете. Наступил черед таких, как Курлов. Говорили, что Столыпину

его навязали, что премьер недолюбливает своего товарища. Кто знает? В реальные полицейские будни Петр Аркадьевич давно уже не совался. Сыщик видел его все реже и заметил, что тот изменился не в лучшую сторону. Столыпин зазнался, сделался нетерпим к чужому мнению, уверовал в собственную непогрешимость. Директор Департамента полиции Зуев обжегся пару раз и теперь потихоньку мечтал удалиться на почетную отсидку в Сенат. С кем служить дальше? Кто будет отдавать приказы стареющему сыщику завтра? Думать об этом не хотелось...

Командировка в Плоцк длилась две недели и едва не стоила питерцу жизни. Он возглавил дознание о налете на денежную почту и придал ему ускорение. А раскрыли банду без него, и сделали это железнодорожные жандармы. Попался толковый человек, помощник начальника местного отделения штабс-ротмистр Глансенштерн, который через агентуру выяснил важный факт. Близ станции Боровичи поселился приехавший откуда-то с юга России прасол, некто Верномудров. Видать, из поповичей — только у них приняты такие заковыристые фамилии. Прасол скотину не покупал, по ярмаркам не приценивался, с поляками не общался, а сидел у себя на хуторе и чего-то там кумекал. Урядник любопытствовал и зашел поговорить. Не фальшивую ли монету чеканит приезжий? Верномудров предложил гостю рюмку водки и завел долгий разговор. Выяснилось, что он поп-расстрига, лишен сана за

коммерческие операции «с душком» (проще говоря, давал деньги в рост) и теперь хочет начать новую жизнь. Капитал у него есть, но небольшой; боится ошибиться. Бывший священник попросил у гостя совета. Обещал взять в долю! Разговор вышел мутный и неправдоподобный. Полицейский почесал в затылке и отправился к жандармам. Глансенштерн, как узнал про бывшего попа, сразу вспомнил циркуляр насчет Южикова. Спросил: косит ли прасол на левый глаз? Урядник ответил, что сказать затрудняется, поскольку Верномудров был в синих очках. Штабс-капитан тут же телеграфировал в Плоцк Лыкову.

Хутор прасола хотели взять под наблюдение, но это оказалось невозможно. Дом со служебными постройками стоял на окраине огромной Рудной пущи. Напротив перекресток двух местных шляхов, в четырех верстах — станция железной дороги. Кроме пущи, других лесов вблизи нет, все поляки свели на дрова. Не поставишь же филера в чистом поле. И землянку в чащобе не выроешь. Лыков проехал мимо взад-вперед, убедился, что подступов к дому нет, и решил пойти в разведку. Жандарм пытался отговорить столичного чиновника, но не преуспел. Алексей Николаевич загримировался под коммивояжера по продаже швейных машин, набил портфель рекламными бумажками. Приклеил «шпанку» — короткую бородку модного фасона. Сунул в кобуру «браунинг». Попросил жандармов спрятаться за ближайшим кустом — вышло аж в трехстах саженях.

Мысленно перекрестился и отправился к попу-расстриге. Для маскировки сыщик нанял бричку с местным фурманом, которого знала вся округа.

Он соскочил с брички перед крепкими воротами и властно стукнул в них кулаком. Открылась калитка сбоку, и выглянул молодой русский парень простоватой наружности.

— Ась? Вы, пан, по какой надобности?

Увидев, что собеседник его совсем юн, Алексей Николаевич тут же сменил тактику.

— Тебе на военную службу-то когда, детинушка?

— Я освобожденный, — растерянно ответил тот. — А чево?

— Не хочет твой хозяин машинку швейную купить? Хорошая машинка. Я ему рассрочку дам.

— Эвона... надо его самого спросить.

— Так пусти меня, я и спрошу.

Парень замешкался, тогда Лыков нагло отстранил его и вошел сначала во двор, а потом и в дом. Юнец семенил следом и что-то бубнил, но незванный гость не обращал на это внимания.

Алексей Николаевич шагал по длинному коридору на свет и тщательно осматривался. Вот кухня, вот сени, из них две двери. В которую зайти? Он толкнул левую и оказался лицом к лицу с рослым мужиком свирепой наружности. Тот стоял в центре большой комнаты и удивленно смотрел на вошедшего. Что-то сообразил и сунул руку в карман.

Сзади Лыкова наконец-то догнал парнишка и сказал верзиле:

— Вот.

— Что вот, Петька? Ты кого привел, сукин потрох?

— Эта... дядя Ваня... машинку он продает.

— Какую, к лешему, машинку? — заревел «дядя» и шагнул к сыщику. Мигом он извлек из кармана большой нож, поднес его к лицу коллежского советника и сказал: — Замри.

Тот застыл. Острое лезвие покачивалось в полувершке от его горла.

— Вы чего, уважаемый? — сиплым голосом проговорил питерец. — Я действительно машинки продаю. Могу «Зингер», могу «Кайзер» или «Пфафф»; какую хошь через меня легко приобрести. Вы чего желаете? И скидку дам, и рассрочку... на полгода.

Он сглотнул и добавил тем же неестественным голосом:

— Больше чем на полгода не могу... это надо в Плоцк ехать, они могут.

Детина внимательно разглядывал сыщика: по всему смахивало, что это уголовник-рецидивист. Нож держит уверенно, взгляд недобрый...

Вдруг бандит схватил Лыкова за «шпанку» и сильно дернул. И борода оказалась у него в руках. Петька ахнул. А сыщик развернулся и во всю прыть бросился прочь из комнаты. «Дядя Ваня», сыпля матерщиной, погнался за ним. Ситуация была для Алексея Николаевича смертельно опасная, но при этом еще и дурацкая. Чтобы вынуть пистолет, снять его

с предохранителя и дослать патрон в патронник, требовалось не менее двух секунд. А где их взять? Бандит дышит в спину и уже занес свой страшный нож. Чуть замешкаешься, и конец. Не видать мне статского советника, с мрачным юмором подумал Лыков и поднажал. Он летел в кухню, где по пути в гостиную ему попалась на глаза нужная сейчас вещь. Очень нужная, прямо позарез... Все заняло несколько мгновений. Сыщик добежал до кухни, схватил со стола тяпку, которой хозяйки рубят капусту для засолки, и с разворота нанес ей удар. Он бил не глядя, но попал удачно. Острое полукруглое лезвие угодило бандиту прямо под ухо. Тот пошатнулся, выронил нож и захрипел, между пальцев у него показалась кровь. Убил, подумал коллежский советник; я ж ему сонную артерию чиркнул... Тут примчался испуганный Петька.

— Дяденька, вы кто?

— Ну-ка, щенок, взял его, и на улицу! — приказал Лыков. Вдвоем они подхватили обмякшее тело уголовного и быстро потащили за ворота. Там Алексей Николаевич уложил раненого в бричку и осмотрел шею. Живой, собака! Лезвие рассекло мышцы шеи, но артерию не повредило. «Дядя Ваня» был ошарашен, но скоро должен был прийти в себя. Питерец связал его и велел фурману мчать что есть духу до засады жандармов. Парня он оставил при себе, чтобы не вздумал помогать сообщнику.

Теперь оставалось ждать. Чтобы скоротать время, Лыков на скорую руку допросил Петьку. Начал он суровым голосом:

— Что же ты, дрянь, с бандитами связался? Или креста на шее нет?

— Есть крест, — чуть слышно ответил парень и показал его.

— Ну? Объясняй!

— С голодухи я. Мамка померла, батя опился до смерти. Куда иттить? Чем себя содержать? А тута одни паны, им на нас плевать...

— Значит, только в убийцы тебе дорога? — гаркнул коллежский советник. — К честному труду душа не лежит? А в Сибирь на каторгу — лежит?

Петька совсем скис.

— Быстро говори все, что знаешь. Сашка Поп где?

— Александр Нифонтович уехали.

Сыщик расстроился. Ведь едва-едва не взяли змеюку. С другой стороны, если бы Южиков был в доме, чем бы это кончилось для него, Лыкова?

— Давно он уехал? Когда вернется?

— Вчерась в ночь. А вернется, нет ли, мне неведомо. Я у них в услужении: дрова колоть, воду таскать. За пропитание, денег мне не плотят.

— А это кто был, что с ножом за мной гонялся?

— Дядя Ваня. А кличка ему промеж своих — Черкес.

— Иван Аринкин? — вспомнил разыскной циркуляр коллежский советник.

— Не знаю.